

Рассказы о чудесах

Пьеса-притча

Действие происходит (условно) в XVIII в.

Сцена первая

Комната. Мать мечется из угла в угол, горестно заламывая руки.

Мать. Иосиф! Иосиф! Иосиф! О где же ты, дитя мое! Где мне тебя искать?!

Рыдая, она опускается на скамью. Входит отец.

Отец. В чем дело? Что тут за шум? Что за беда стряслась?

Мать. Ужасная, ужасная беда! Пропал Иосиф!

Отец. Как это так? Куда он мог пропасть?

Мать. О, если бы я это знала! Горе мне, горе! С моим мальчиком случилась беда, а я даже не знаю, где он!

Отец. Да с чего ты взяла, что он пропал? Разве он не на занятиях у ребе?

Мать. Нет! Нет! Только что приходил шамес из синагоги и сказал, что его там нет! А ребе ждет его и не хочет без него начинать!

Отец. Ну и получайте все, чего хотели! Когда парень с са-

мых пелён ничего не слышит, кроме похвал! Должен же он был когда-нибудь одуреть вконец! Ты же так гордилась, что у тебя сын не такой, как у прочих, а чудо света, будущий великий учитель! Слово ты для этого специально постаралась! Что ж ты теперь ревешь, что он сам себе порядки устанавливает?

Мать. Пусть все, что я заслужила, падет на мою голову! Мне все равно не будет хуже, чем сейчас! *(Рыдает.)*

Отец. Ну успокойся! Найдется же он, в конце концов!

Мать. Ох, сердце мое разрывается! Я давно уже предчувствовала этот день! *(Отец недоверчиво подымает брови. Мать продолжает, понизив голос.)* Давно уже стала я замечать, что Иосиф встает и уходит из дома, когда на небе едва только можно различить первые лучи солнца! Не знаю почему, но мне в этом чудилось что-то недоброе! О, я гнала от себя эти мысли — разве можно было заподозрить в чем-нибудь плохом моего сына, ведь он уже в тринадцать лет знал наизусть всю Гемару!

Но вчера я решила, что на этот раз... Я не знала еще, что я сделаю — пойду ли за ним или только спрошу его!.. Но дело в том, что сегодня я впервые не услышала его шагов, а под самое утро мне приснился такой сон, что когда я проснулась, я уже знала, что нас ждет беда!

Отец *(ворчливо)*. Уже и ты стала видеть вещие сны!

Мать. Ох, не видеть бы мне этого никогда! Мне снилось, что все местечко горит, а по улицам носятся какие-то страшные люди, врываются в дома! Я хочу спрятать детей, но никак не могу найти Иосифа! Во сне я забыла, что он уже вырос — я искала его маленького, — но его все равно не было, не было нигде!

Входит шамес — синагогальный служка.

Шамес. Мирьям, ради всего святого, где твой сын? Ребе не начинает без своего любимого ученика! Он сидит мрачнее тучи, а все головы от страха поднять не могут! Такого еще никогда не бывало! Куда он мог подеваться?

Отец. Он, наверное, вообразил, что уже все знает! Ну конечно! Пока я тут чиню башмаки, мой сын превзошел самого ребе!

Мать. Не слушайте его, реб Янкель! Поверьте моему сердцу, — с мальчиком случилась беда! *(Бежит к дверям.)* Иосиф! Где же ты, Иосиф?!

Голос маленького брата. Иосиф на заднем дворе! Он спрятался в стог сена и плачет! И не хочет идти!

Отец. Ну, у меня быстро захочет! *(Выходит.)*

Мать. Плачет? Почему он плачет?

Отец *(тащит за собой Иосифа и бросает его на скамью).*
Иди-ка сюда, мерзавец! Сейчас я с тобой разделаюсь!

Внезапно все смолкают. Входит Цаддик и делает всем знак удалиться. Несколько мгновений Иосиф закрывает лицо руками. Затем отрывает руки и подымает голову.

Иосиф. О ребе! Не смотри на меня так! Я не могу вынести твоего взгляда!

Цаддик. Если бы ты умел видеть, Иосиф, ты прочел бы в моем взгляде только любовь и сострадание! Но на глазах твоих пелена!

Иосиф. Да! Да! Это мой грех, мой тяжкий грех застилает мне глаза!

Цаддик. Днем и ночью открыты врата, которыми возвращаются падшие и раскаявшиеся. Тот, кто прошел сквозь них, будет оправдан, какое бы зло он ни совершил!

Иосиф. О, я раскаиваюсь, я всем сердцем раскаиваюсь, ребе! Выслушай меня, помоги мне снять с души этот страшный гнет! Я не могу больше скрываться от тебя! *(Он бросает на Цаддика испытующий взгляд. Цаддик хранит мрачное молчание.)*

Ребе! С тех пор как я научился читать, ты наполнял мою душу премудростью. Но чем больше я узнавал, тем сильнее становилась во мне жажда узнать еще больше! Я с нетерпением ждал, когда же начнется самое главное! *(Иосиф снова бросает взгляд на Цаддика. Тот по-прежнему молчит.)* Я ждал, что ты начнешь учить меня творить чудеса! Но ты медлил, ребе! О, конечно, ты ведь лучше моего знаешь, когда и чему приходит срок, а я...

На кладбище, как ты знаешь, ребе, есть сарай, в котором хранятся ветхие книги и ждут своего часа, чтобы быть погребенными в земле! Там-то я и отыскал все, что мне было нужно! Так мне казалось, по крайней мере! Эта наука давалась мне легко, как и всякая другая! У меня... У меня даже получалось кое-что!.. Но мне хотелось, чтобы это было настоящее, великое чудо, а не какие-то мелкие фокусы... И вот произошло самое страшное... *(Цаддик, стоявший до этого с опущенной головой, выпрямляется и с этого момента смотрит ему в глаза.)*

Когда я понял, когда я увидел, что никакой чудотворец из меня не получился, меня охватил жуткий страх! Мне казалось, что я уже больше никогда ничего не смогу, что я забыл все, что знал прежде! О, мне и теперь страшно вспомнить об этом! В своем ничтожестве

я стал ненавистен сам себе! Мне хотелось исчезнуть, не быть никогда, чтобы люди забыли самое мое имя! Я... Я чуть было не убил сам себя, но, видно, твоя молитва меня удержала! (...) О ребе, я виновен! Назначь мне любое наказание — я ко всему готов! Ведь отчаяние — тяжелейший грех.

Цаддик. Нет, дитя мое, это не грех! Это плата за грех!

Иосиф. Как... Значит то, что я посмел?.. Ребе, этого не будет никогда! Я отдаю всю свою волю тебе! С этого мига я не пошевелю рукой без твоего согласия!

Цаддик. Скажи, Иосиф, какое чудо ты хотел сотворить?

Иосиф (*опуская голову*). Я хотел низвести огонь!

Цаддик. Зачем?

Иосиф (*дрожащим голосом*). Это была самая сложная задача, которую я мог перед собой поставить! Ведь мы должны стремиться к тому, чтоб достигать все более... Ребе, почему ты так смотришь на меня? Неужели ты думаешь, что я хотел причинить кому-нибудь зло? Но кому? У меня же нет врагов! Ведь все до одного любят меня и почитают гораздо больше, чем я того заслуживаю!

Цаддик. А если они узнают, что ты никогда не станешь тем, кого они хотят видеть в тебе, как ты думаешь, сохранят ли они прежнюю любовь?

Иосиф. О горе мне! Мог ли я подумать, что буду так несчастен! Ребе, помоги мне! Ведь для тебя нет невозможного! Я хочу только одного — стать таким, каким я был вчера!

Цаддик. Но ведь ты же был таким вчера! Не обманывай себя, Иосиф! Вслед за вчера неизбежно приходит се-

годня! Не в прошлое, а в будущее возвращается тот, кто раскаялся!

Иосиф. Но как же мне каяться в том, чего я даже не могу понять, ребе? Ах, сколько раз я видел, как люди со смущенной душой приходили к тебе, и ты разъяснял им их грехи и заблуждения! Неужели ты откажешь в этом мне?

Цаддик. Всю твою жизнь я учил тебя, Иосиф, — и вот, я задал тебе единственный вопрос! Ты должен ответить на него сам. *Твой* голос хочу я услышать — и тогда я укажу тебе путь к возвращению! Это последнее, чему я должен научить тебя!

Иосиф. Ребе, что ты говоришь? Ты не хочешь больше учить меня? Ты меня прогоняешь?

Цаддик. Ты сам это выбрал, Иосиф! Ты захотел стать самим собой, но заблудился и попал на кладбище. Теперь ты дрожишь от страха перед неизвестным и готов отказать себя, отдать свою волю другому!

Но мне дорога *твоя* душа, Иосиф, и только *твое* раскаяние может очистить ее!

Иосиф (*в ужасе*). Когда же это будет?

Цаддик. Когда этот день придет, я найду тебя даже в глубине преисподней, Иосиф!

Иосиф. О, не бросай меня, ребе, — без тебя я погибну! Ты же видишь — стоило мне отойти от тебя на шаг, и я сразу заблудился! А теперь я совсем беспомощен! Я смотрю вокруг — и ничего не узнаю! Даже эти стены кажутся мне чужими и враждебными!

Цаддик. Ты сказал, что у тебя нет врагов! Во всем, что будет происходить перед твоими глазами, ты должен винить самого себя!

Сцена вторая

Постоялый двор в горах. Хозяева — муж и жена — сидят у огня.

Жена. Какая вьюга страшная! Послушай, как завывает! Кажется, вся округа сорвалась с места и несется неведь куда! Скажи, Авром, а дом наш не повалит?

Муж. Если б я сам его ставил, было бы чего бояться! Но его поставил еще мой дед, — уж верно, не за тем, чтоб его повалило!

Жена. Ох, сил нету этот вой слушать! И спать лечь страшно! И за что только мы должны жить в этой глуши? Днем — тоска, а по ночам от страха сердце ноет!

Муж. За что да почему! Да потому что на всю эту местность один-единственный постоялый двор, а я — его хозяин! Продать — никто не купит, прибыли наши известные! А бросить все и уйти в долину, так посуды сама — опять придет зима, завоюет вьюга, и мы будем думать, что здесь, в горах, кто-то бродит вокруг нашего покинутого дома и умирает без тепла и пищи! Нет, мне это не по вкусу! Лучше уж буду сидеть у своего очага и дожидаться своих гостей!

Жена. Нет уж, этой ночью лучше обойтись без гостей! По такой вьюге разве что нечистый дух пожалует!

Муж. Погоди-ка! Мне кажется, или и впрямь кто-то зовет?

Голос Шлоймы. Эй! Отворите! *(Стучит.)*

Жена. Ой, подожди! А вдруг и в самом деле нечистый?..

Муж. Ну нет уж! В моем доме ему делать нечего! Иду! Иду!

Шлойма (*входит, весь облепленный снегом*). Мир вам! Наконец-то до вас добрался! С раннего утра сюда иду!

Муж. Иди скорей к огню! Куда путь держишь?

Шлойма (*отряхая снег*). Да как сказать! С утра шел к вам! А передохну — пойду обратно!

Муж и жена удивленно переглядываются.

Жена. Как странно! Разве ты не в Дилленбург? Здесь проходит дорога в Дилленбург!

Шлойма. Нет, туда я на этот раз не поспею! Пора уж мне домой возвращаться!

Муж и Жена (*удивленно*). А где же твой дом?

Шлойма. В Межеричах!

Муж. А где же эти Межеричи?

Шлойма. В Польше!

Жена. А где же эта?.. (*Муж машет на нее, чтоб она замолчала.*)

Муж. Так что же тебя занесло к нам в такую вьюгу?

Шлойма. Мне сказали в местечке, там внизу, что в этих краях есть еще один дом, где живут добрые люди, и я поспешил сюда!

Муж. Для того, чтобы на нас посмотреть? Что за чудеса!

Шлойма. Да! Да! Именно чудеса! Великие чудеса! Сейчас все объясню! В Межеричах жил цаддик — великий праведник и чудотворец. А я — его ученик! Зовут меня Шлойма! Цаддик завещал мне ходить по свету и рассказывать о его чудесах!

Муж. Цаддик, говоришь? Что ж, и я слышал, что бывали на свете цаддики, и даже показывали какие-то чудеса. Только, боюсь, что мне с этого никакого проку.

Шлойма. Вот видишь, а цаддик как раз для того и послал меня ходить из страны в страну, чтобы напомнить тебе и всем остальным, что нет ничего на свете, что было бы людям нужнее, чем чудеса.

Хозяйка ставит на стол еду для Шлоймы. Он с жадностью набрасывается на нее.

Муж. Да кто сейчас верит в чудеса?

Шлойма (*вскакивает*). Я! Я верю! И я шел сюда с самого рассвета, чтобы тебе об этом сказать!

Муж. И давно ты так бродишь?

Шлойма. Вот уже шестой год!

Муж. Да, незавидная доля! У тебя, поди, ни кола, ни двора, и родных никого нет?

Шлойма. Как же — есть! Жена и двое ребятишек!

Жена. Как? У тебя — семья? Господи! Вот уж тут пове-ришь во что угодно! Хорошая у них жизнь, ничего не скажешь! Как же они еще с голоду не умерли?

Шлойма (*со вздохом*). Знаешь, я и сам порой удивляюсь! А посмотреть на это с другого конца — то раз мы живы, значит, еще не все потеряно, значит, у прочих людей сердце еще не совсем в камень превратилось! Я ведь домой всегда не с пустыми руками возвращаюсь!

Муж. А часто ли?

Шлойма. Если повезет — два раза в год!

Жена. Чем же ты провинился перед своим цаддиком, что он обрек тебя на такую страшную жизнь?

Шлойма. Ах, что ты говоришь! Он любил меня больше всех своих учеников! Мы-то видим не дальше собственного носа, а цаддик заглядывал в будущее! Кто знает, может быть, сидя на печи, я раньше бы оставил детей сиротами! А сейчас жив, как видишь! *(Помедлив)* А потом, раз он знал все наперед, то знал ведь, конечно, что кроме меня никто на это не согласится!

Жена. Смотри-ка, и ведь не ошибся! Бывает же такое!

Муж. Послушай, ну вот если ему так все про тебя было известно, мог ли он знать, что в один прекрасный день ты окажешься вот здесь, в моем доме? Про меня он что-нибудь знал? Вот такое мне бы очень понравилось! Сидишь тут, в Богом забытых горах, а кто-то, неведь где, о тебе знает! И выходит, что ты не один на свете и сидишь тут, может быть, не зазря!

Шлойма. Да ты сам посуди, что бы со мной сегодня было, если бы ты тут меня не дождался! (...) И хоть я не знаю всякий раз, куда я попаду, с кем встречу, но я всегда вспоминаю слова, которые он больше всего любил мне говорить, мой цаддик, — что

все, что видим мы на свете:
события, люди, звезды, камни, травы,
единой нитью связаны живой!
И если убивают человека,
То где-то, на другом конце вселенной
его звезды сиянье угасает,
и канет целый мир во мрак и холод.
А люди все, что встретились нам в жизни,
есть наших душ живые отраженья,
но сами этого не понимают

и, как слепые, в зеркало глядятся!
И странствие, в которое меня
на весь мой трудный век отправил цаддик, —
одно звено в великой цепи странствий,
что совершают звезды и планеты,
народы через страны и века,
и души, странствуя из тела в тело!

И все же мне куда лучше, чем другим странникам.
Я хожу по свету из любви к моему цаддику, а кого-ни-
будь судьба швыряет с места на место, и он даже не
спросит, за что!

Жена. Смотрите, вьюга улеглась! До чего ж красиво —
небо светлеет, а звезды все до одной видны!

Шлойма. Ну что ж, пора мне и домой собираться! Что
ни говори, а в этот раз долго пришлось жене меня до-
жидаться!

Жена (*сует ему узелок*). На вот, отвези ей от меня!

Муж. И знаешь, если тебе случится когда-нибудь опять
в наших краях оказаться, ты уж потрудишься, зайди
к нам — мы увидим, что ты еще жив, все же на душе
легче станет!

Шлойма. Ну, тогда — до встречи!

Сцена третья

Дорога. У обочины лежит Иосиф. К нему направляется
монах.

Монах (*наклоняясь к нему*). Эй! Очнись! Ты жив или
мертв?

Иосиф (*очнувшись*). Где я? Что со мной?

Монах. Ты лежишь на дороге в Краков! А вот что с тобой, надо бы спросить у тебя! (*Иосиф понимает, что перед ним монах, и отшатывается.*) Ты, видно, давно ничего не ел, и ноги у тебя в крови! Здесь неподалеку обитель святого Стефана, дай я помогу тебе добраться туда! Ты сможешь поесть и отдохнуть.

Иосиф. Нет-нет! Добрый человек, умоляю тебя, оставь меня одного. Мне осталось идти совсем недолго! (*Монах пытается прислонить его к дереву.*) Нет-нет! Не трогай меня, прошу! (*Вскакивает.*) Ты видишь, я уже стою на ногах!

Монах. Ну, как знаешь! (*Пожимает плечами и уходит. Иосиф снова падает на землю. Слышится стук колес и ржанье лошадей. К Иосифу подходит Антонио.*)

Голос Лоренцо (*из-за сцены*). Ну, в чем там дело?

Антонио. Синьор, мы, видно, сбились с пути и попали в неизвестную страну! На этом туземце диковинная одежда и волосы как-то странно растут!

Лоренцо (*входит*). Что за ерунда! (*Наклоняется к Иосифу.*) Ну и дурак же ты, Антонио! Пять лет таскаю тебя по всему свету, а ты не можешь распознать обыкновенного еврея! Эй, малый, очнись! Ты жив?

Иосиф (*слабым голосом*). Оставьте меня, добрые люди!

Лоренцо. Ну нет, уж раз я из-за тебя вылез из кареты, ты обязательно должен сказать мне, что ты тут делаешь?

Иосиф. Жду смерти!

Лоренцо (*со смехом*). Я тоже! С самого рождения! И чтобы как-то заполнить это ожидание, путешествую по всему миру! Послушай, а не взять ли мне тебя с собой? Мне

нравится твоя физиономия! И глаза у тебя чертовски умные! Или это они от голода так блестят?

Иосиф. Не делайте этого! Я страшный грешник! Я принес несчастье всем своим близким!

Лоренцо. Чем же, хотел бы я знать? Может быть, тем, что сбежал от них? Я бы, признаться, тоже очень огорчился, если бы от меня сбежал такой забавный паренек!

Иосиф. Ах, вам этого не понять!

Лоренцо (*притворно обидевшись*). Вот как! Ну что ж, вдвойне приятно познакомиться с человеком, который понимает больше твоего! Эй, Антонио, принеси этому мудрецу стакан вина и кусок мяса, может быть, подкрепившись, он поделится с нами своей премудростью!

Иосиф. Я ничего такого не ем!

Лоренцо. Ах да, совсем забыл! А хлеб ты будешь есть?

Иосиф (*замявшись*). Если уж вы так добры... может, у вас найдется...

Лоренцо. Все понятно! Антонио, нет ли у нас каких-нибудь овощей?

Антонио. Вот только эти огурцы. (*В сторону*) Какой выгодный гость к обеду. (*Иосиф начинает есть.*)

Лоренцо. Ешь, бедняга! А я выпью за твое здоровье! И за то, чтобы и мне поумнеть и понимать не меньше твоего!

Иосиф. Простите! Я не хотел вас обидеть! Просто до этой встречи мы жили в разных мирах, где из одного в другой не проникает ни звука! Я уверен, что не знаю ничего из того, что знаете вы!

Лоренцо. Зато, несомненно, знаешь многое другое! Ты парень непростой! Чем же ты занимался в этом своем «мире»?

Иосиф. Ну, как бы это сказать... учился на раввина!

Лоренцо. Так ты наверняка знаешь каббалу и всякие такие штуки? (*Иосиф делает неопределенный жест.*) Ну все! Решено! Ты едешь со мной!

Иосиф. Лучше бы этого не делать! Я приношу несчастье, я же сказал вам!

Лоренцо (*смеется*). А я, знаешь ли, человек рискованный! Я охотился на тигров и в сильные туманы ходил по альпийским перевалам! Почему бы мне не сыграть в кости с самой судьбой?

Сцена четвертая

Комната в бедном доме. Шлойма спит на лавке. У печи хозяйка.

Муж хозяйки (*входит*). Где этот бродяга?

Жена (*удивленно*). Спит!

Муж. А ну, разбуди его и пусть убирается!

Жена. Что ты! Он же так устал! Он три дня был в дороге!

Муж. А почему я знаю, правда ли это? Почему я должен верить в его россказни!

Жена. Да как же так?

Муж. Я все сказал. Эй ты, вставай и пошел вон!
(*Шлойма просыпается и удивленно смотрит на них.*)

Слышишь?! Убирайся отсюда, только сначала заплати за вчерашний ужин!

Шлойма. Что ты, добрый человек? За что ты так рассердился на меня?

Муж. Я не люблю, когда из меня делают дурака проходимцы и обманщики!

Шлойма. Я не обманщик!

Муж. Нет, обманщик! И ты, и твой жулик-цаддик!

Шлойма. Ах, что ты говоришь!

Муж. То, что ты слышишь! Распелся тут, — чудеса, чудеса! Чудотворец из Межеричей! Я сунулся было с этим к соседу — вот, мол, какой гость ко мне забрел, подарок к празднику! А тут оказывается, что он и сам жил в этих Межеричах, да еле ноги оттуда унес!

Шлойма. Не понимаю! Что же с того? Не станет же он отрицать!.. Цаддика знала вся Польша и пол-России! К нему губернаторы ездили за советом!

Муж. Замолчи! Это ты вчера уже рассказывал! А вот что Межеричи сгорели после погрома, почему-то не рассказал, забыл! Да на кой же он был нужен, твой цаддик, если не мог спасти местечка? Байки рассказывать? От губернаторов подарки получать? Все вы хороши, пока крыша над головой не горит, а когда придет беда, то поминай как звали! Да и вас тогда никто не вспомнит!

Шлойма. Ты думаешь, я сам не помню этого дня? Мне было всего восемь лет, но я с тех пор всегда пугаюсь запаха гари... Мать спрятала меня и сестер в погребе!.. Дома горели всю ночь, но потом местечко быстро отстроилось... Да и не погиб никто, один только человек

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru